

Особенности возникновения прав требования возмещения вреда и возможность уступки таких прав

Муненко Полина Максимовна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студентка 4-го курса бакалавриата юридического факультета;

e-mail: polinamoney8@gmail.com.

Научный руководитель:

Баринов Антон Михайлович, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ассистент кафедры коммерческого права; e-mail: a.barinov@spbu.ru.

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные вопросы прав и обязанностей, возникших в результате причинения вреда другому лицу. Автор приходит к выводу, что сам факт возникновения вреда не всегда порождает обязанность по его компенсации.

Автор рассматривает основания и условия наступления деликтной ответственности на примере причинения вреда в результате пожара, высказывается идея о том, что момент возникновения деликтного обязательства не совпадает с моментом применения мер ответственности. Особое внимание уделяется анализу уступки права (требования) из деликта в зависимости от момента возникновения такого права.

Ключевые слова: деликт, деликтные обязательства, уступка права требования, цессия, материальный ущерб, деликтная ответственность, гражданское правонарушение, должник в деликтном обязательстве.

Some Features of the Occurrence of Right to Compensation for Damages and Assignability of Such Rights

Polina M. Munenko, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

BA student, Faculty of Law; e-mail: polinamoney8@gmail.com.

Academic Supervisor:

Anton M. Barinov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Assistant of the Department of Commercial Law; e-mail: a.barinov@spbu.ru.

Abstract

The article deals with certain issues of rights and obligations arising from the infliction of harm to another person. The author draws the conclusion that the fact of occurrence of harm does not always entail the obligation to compensate it. The paper considers the grounds and conditions of tort liability on the example of infliction of harm as a result of fire. The idea is put forward that the moment of occurrence of tort liability does not coincide with the moment of application of liability measures. Particular attention is paid to the analysis of the assignment of right (claim) from tort depending on the moment of occurrence of such right.

Keywords: tort, tort obligations, assignment of claims, cession, material damage, tort liability, civil offense, civil law, the debtor in the tort obligation.

Как известно, классическим примером противоправного поведения как юридического факта, повлекшего возникновение обязательства по его возмещению (деликтного обязательства), считается факт причинения вреда другому лицу или его имуществу. Вместе с этим именно ответственность за причиненный вред является содержанием такого обязательства. Определения подобного обязательства закон на сегодняшний день не дает. Основная идея, которая характеризует деликтное обязательство, содержится в п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ¹, в соответствии с которым вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Так, законодатель устанавливает обязанность причинителя возместить вред, которой будет корреспондировать право потерпевшего требовать такое возмещение, таким образом возникает внедоговорное обязательственное правоотношение.

Основная регламентация деликтов содержится в гл. 59 ГК РФ, где определяются основания и условия возникновения деликтных обязательств. По мнению профессора Е. А. Суханова, факт причинения вреда составляет как и основание деликтной ответственности, так и основание возникновения деликтных обязательств [1, с. 482]. В свою очередь для решения вопроса о применении мер ответственности законодатель исходит из общего принципа деликтного права, который в литературе именуется «принципом генерального деликта», согласно которому само по себе причинение вреда одним лицом другому признается противоправным, и такое признание будет являться одним из признаков правонарушения.

На сегодняшний день социальная жизнь состоит из множества взаимодействий, большое количество которых вредоносны, но лишь часть из них приводит к возникновению обязанности по компенсации причиненного вреда. Зачастую вред, возникший в имущественной сфере лица, является лишь материализацией обычного жизненного риска и не создает чьей-либо обязанности по его компенсации, так как по общему правилу участники гражданского оборота самостоятельно несут риск ухудшения своей имущественной сферы и нарушения личных неимущественных благ [1, с. 479].

Например, прохожий, неправильно подсказавший дорогу до вокзала, не должен будет возмещать стоимость билетов, купленных взамен билетов на тот поезд, на который опоздал человек. На основании данных рассуждений профессор Е. А. Суханов выделяет следующие функции деликтных обязательств: во-первых, обязательства вследствие причинения вреда помогают разграничивать вредоносные взаимодействия на те, которые находятся в области обычного риска потерпевшего и не подлежат компенсации, и те, которые становятся основанием для возмещения причиненного потерпевшему вреда. Во-вторых, деликтные обязательства (ответственность) атрибутируют вред — обязанность возместить вред возлагается на того участника гражданского оборота, который, в соответствии с воззрениями правопорядка, его причинил [1, с. 479].

При том что всякое причинение вреда составляет основание деликтной ответственности, мы видим, что это не свидетельствует о возникновении права требовать возмещения в силу одного лишь факта причинения вреда.

Поскольку в силу принципа генерального деликта потерпевший не должен доказывать противоправность действий причинителя, так как противоправность презюмируется и, следовательно, не входит в число условий возникновения деликтного обязательства [1, с. 482]. Основание ответственности обосновывает возможность ее применения, но лишь при наличии установленных законом условий: 1) имущественный или моральный вред; 2) причинно-следственная связь между противоправным поведением причинителя и возникшим вредом;

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994, № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021).

3) вина в действиях причинителя вреда (если в качестве исключения законом не установлена возможность возникновения деликта независимо от наличия или отсутствия вины)².

Поэтому момент причинения вреда является моментом возникновения деликтного обязательства, однако он не совпадает с моментом применения мер ответственности, так как признание факта именно правонарушением упирается в наличие состава гражданского правонарушения. Таким образом, невозможно претендовать на возмещение вреда на основании одной лишь противоправности.

В деликтном обязательстве кредитором является потерпевший, а причинитель вреда, он же делинквент, является должником. Данное обязательство является особым по основаниям возникновения, но в остальном к ним, в силу п. 2 ст. 307.1 ГК РФ, применяются общие положения ГК об обязательствах, если иное не предусмотрено специальными правилами о них (гл. 59 ГК РФ) либо не вытекает из существа этих отношений. Говоря иначе, в соответствии с традиционным общим принципом *Lex specialis derogat generali* (специальный закон устранивает действие общего закона) установлен приоритет специальных правил о деликтах над общими положениями обязательственного права и допустимость их неприменения, если они противоречат существу отношений. Автор полагает, что принципиальным является место института цессии в системе общественных отношений. Частноправовое начало сферы обязательственного права гарантирует приоритет принципа равенства участников гражданского правоотношения над принципом общности правовой связи сторон в обязательстве, что, несомненно, дополняется характеристикой обязательства как денежного и, соответственно, «ведет к окончательному обезличиванию его участников и тем самым допускает, по существу, полную беспрепятственность уступки права требования» [5, с. 75]. Уведомление должника об уступке остается минимально достаточным, чтобы считать соблюденным правило о сохранении связи содержания обязательства с личностью его первоначальных участников. Так, за исключением случаев, когда речь идет о вреде, причиненном жизни или здоровью гражданина, существу возникшего обязательства из деликта не противоречит уступка права требования возмещения имущественного вреда от потерпевшего к цессионарию, такое требование может стать предметом сингулярного или универсального правопреемства [1, с. 481]. В настоящий момент судебная практика подтверждает такую возможность³.

Представим задачу, где по условиям в результате пожара не было определено место первичного возгорания, тем не менее огнем оказалось повреждено сразу две квартиры, в любой из которых возгорание могло изначально возникнуть. Мы имеем факт причинения вреда, который является основанием возникновения обязательства по возмещению такого вреда, однако нельзя говорить о том, что возникает два отдельных деликтных обязательства, в каждом из которых собственники становятся кредиторами и у них обоих появляется право требования возмещения причиненного вреда. Однако если бы пожар возник не по вине одного из собственников, а, например, в результате неисправности проводки, то обязательство по возмещению убытков возникло бы у управляющей компании, а у каждого собственника право требования соответственно.

² Исключением является независимая от вины ответственность предпринимателей за нарушения интеллектуальных прав (абз. 3 п. 73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

³ Обращаю внимание на мнение Верховного Суда Российской Федерации о допустимости уступки права требования, возникшего из обязательства по возмещению вреда: Верховный Суд Российской Федерации квалифицированно промолчал, оставив правоприменителю и далее видеть за личностью «потерпевшего» только одно — имущество кредитора (Постановление Пленума от 21.12.2017 № 54 («О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»)).

Фактически у нас возникнет одно деликтное обязательство, где один собственник будет пострадавшим, а второй собственник окажется причинителем вреда, но в теории факт возникновения вреда на стороне у каждого из собственников позволяет им расценивать себя как пострадавших в этом обязательстве и сразу оба собственника могут друг против друга подать в суд иски о возмещении вреда. Но непосредственно для того, чтобы судом была возложена обязанность по возмещению пострадавшему собственнику вреда, им должны быть обнаружены и доказаны в суде условия, которые образуют состав гражданского правонарушения.

Считаю беспочвенным противопоставление в структуре динамики деликтного обязательства идеи охранительных правоотношений идеи беспрепятственности индивидуального волеизъявления. Встречающаяся характеристика перемены лиц в деликтном обязательстве через категорию «изменение на стороне потерпевшего», на мой взгляд, означает только признание динамики обязательства, но ни при каких обстоятельствах не относится к упоминавшемуся в литературе переходу охранительного отношения в регулятивное (путем исчезновения из отношения фигуры «потерпевшего»). Автор уверен, давно ушла в прошлое ссылка на деликтное обязательство как на обязательство из закона: что указано в законе, может быть изменено только законом [6, с. 26]. «Изменению кредитора способны вообще все обязательства... должнику безразлично, кому произвести» исполнение [7, с. 17]. Наоборот, считаю недопустимым смешение понятий «вред потерпевшему» и «вред имуществу потерпевшего», так как гражданское право не должно знать никакого потерпевшего, а вред последнему должен быть известен гражданскому праву только как производный и несущественный отголосок главного — вреда имуществу потерпевшего. О так называемых «высокоперсонифицированных правах требования» из деликта мое мнение изложено в статье ранее.

События могут развиваться иначе. Вместо подачи иска первый собственник решает продать сгоревшую квартиру и вместе с договором купли-продажи планирует заключить соглашение об уступке права требования возмещения вреда. Как известно, уступка права кредитором осуществляется после возникновения основания для взыскания убытков, cedent отвечает перед цессионарием лишь за действительность уступаемого требования, то есть требование должно «созреть» на момент сделки. В деликтном обязательстве для подобной уступки, помимо факта причинения вреда, необходимо наличие трех общих условий для признания факта причинения вреда правонарушением (имущественный ущерб, вина, причинно-следственная связь) и наступления деликтной ответственности. Современный Гражданский кодекс в ст. 384 устанавливает правило, в соответствии с которым право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, если иное не предусмотрено законом или договором. Это положение следует из общегражданского принципа правопреемства, согласно которому никто не может передать больше прав, чем он имеет [2, с. 562]. В подавляющем большинстве случаев возмещение вреда осуществляется в денежной форме, которая, в свою очередь, не является сущностной чертой обязательства, а лишь характеризует его внешнюю форму. Денежная форма возмещения убытков является второстепенной в отношении содержания соответствующих прав и обязанностей. При этом точная сумма денежного возмещения является неопределенной, но она должна стать определенной решением суда или соглашением сторон [4, с. 158].

При этом существует мнение, что судебной практикой признается несостоятельной уступка лишь окончательно определенного по размеру требования убытков. Согласно данной позиции право требования убытков, размер которых окончательно не определен, переходит в том же объеме от старого кредитора к новому. Это означает, что уже по иску нового кредитора может быть определен точный размер требования о возмещении

убытков. Приверженцы приведенной точки зрения полагают, что при противоположном подходе отсутствие согласия должника по обязательству на определение размера убытков соглашением сторон создаст существенное препятствие для распоряжения кредитором своим правом путем его уступки новому кредитору [4, с. 159].

Возвращаясь к ситуации с пожаром, уступаемое первым собственником право нельзя назвать действительным, так как в материалах дела о пожаре нет ясного ответа на вопрос о том, кто виноват в возгорании, поэтому возможна ситуация, где по иску второго собственника, предъявленному к цессионарию (как к новому собственнику), будет выявлено, что возгорание возникло по вине бывшего хозяина проданной квартиры, или, например, если суд не увидит оснований для взыскания убытков с первого собственника цессионарием. Поэтому, заключая договор уступки требования, у сторон должно быть осознание того, что право требования у цессионария в итоге может не возникнуть, то есть оказаться недействительным.

Может ли кредитор уступить требование о взыскании убытков до возникновения оснований для их возмещения? Нам уже известно, что факт причинения вреда, повлекший ухудшение имущественной сферы лица, не во всех случаях создает у кого-либо обязанность по его возмещению, а для применения мер ответственности необходим состав гражданского правонарушения. В. В. Байбак и А. Г. Карапетов полагают, что в теории подобная уступка возможна [2, с. 1287]. В такой ситуации предметом соглашения будет являться право требования, которое возникнет в будущем. Статьей 388.1 ГК РФ предусматривается возможность уступки будущего требования. В данном случае сделка будет касаться уступки будущего требования, и последнее автоматически перейдет к цессионарию после его возникновения в имущественной массе cedent (п. 2 ст. 388.1 ГК РФ). В свою очередь недействительность права требования является в соответствии со ст. 390 ГК РФ основанием для привлечения к ответственности кредитора, уступившего такое право требования.

Дискуссионным является вопрос о том, можно ли соглашением переложить риск не возникновения права на цессионария. На этот счет логичной представляется позиция В. В. Байбака, согласно которой подобное проявление свободы договора следует признать как минимум не противоречащим общему правилу данного принципа. Так, например, лицо может уступить цессионарию права на любые имущественные деликтные требования, которые могут возникнуть у этого лица в будущем по отношению к конкретным деликвентам, указанным в договоре, или даже любым делинквентам с условием, что уплаченные цессионарием cedent средства в рамках соглашения об уступке не возвращаются, если основания для деликтных притязаний так и не возникнут. Соглашаясь на подобные условия, цессионарий умышленно лишает себя средства защиты, и В. В. Байбак полагает, что более сомнительной представляется допустимость такой алеаторной конструкции в ситуации, когда возникновение права находится в исключительной сфере контроля самого cedent [2, с. 589].

Необходимо добавить, что для цессионария будет архиважным вопрос доказывания в суде убытков, которые образовались у первоначального кредитора. Если к моменту взыскания изначального кредитора уже не будет, а соответствующие доказательства не были получены от него при уступке, у цессионария могут возникнуть проблемы с доказыванием. Кроме того, в силу ст. 386 ГК РФ должник не лишен возможности выдвигать против требования цессионария о взыскании убытков, которые изначально возникли в имущественной массе cedent, все те возражения⁴, которые должник мог выдвинуть против самого cedent [3, с. 1288].

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки».

Литература

1. *Суханов Е. А.* Гражданское право: В 4 т. / Том IV. Отдельные виды обязательств: Учебник / Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 544 с.
2. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.
3. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2020. 1469 с.
4. *Добрачев Д. В.* Принцип формализации права требования о взыскании убытков // Вестник гражданского права, 2014. Т. 14. № 4. С. 156–167.
5. *Рыженков А. Я.* Цессия как юридический факт в гражданском праве // Современное право, 2021. № 4. С. 75–79.
6. *Белякова А. М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Теория и практика. М., 1986. С. 26.
7. *Новоселова Л. А.* Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003. С. 17.